

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2025, Том 16, № 1 / 2025, Vol. 16, Iss. 1 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2025.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/38SCSK125.pdf>

DOI: 10.15862/38SCSK125 (<https://doi.org/10.15862/38SCSK125>)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Мчедлова, Е. М. Религия в политическом поле / Е. М. Мчедлова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2025. — Т. 16. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/38SCSK125.pdf>.

DOI: 10.15862/38SCSK125

For citation:

Mchedlova E.M. Religion in the political field. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2025;16(1): 38SCSK125. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/38SCSK125.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

DOI: 10.15862/38SCSK125

УДК:316

Мчедлова Елена Мирановна

ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук», Москва, Россия

Институт социально-политических исследований — обособленное подразделение

Ведущий научный сотрудник

Доктор социологических наук

E-mail: HMtchedlova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7041-4741>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=391115

Религия в политическом поле

Аннотация. В статье анализируются религиозно-политические процессы, происходящие в России и в мире в условиях постоянно меняющейся реальности. В частности, речь идет об умении нынешней разветвленной религиозной картины приспосабливаться к новым формам политического участия. Так, внимание уделяется новациям, которые включают в себя символизацию пространства, где религиозные символы используются либо для привлечения на свою сторону новых адептов, либо в качестве своеобразного средства манипулирования в политике. Упомянуты различные секуляризационные тенденции, а также тенденции к детерриториализации и ретерриториализации, идущие под влиянием различных обстоятельств, в большей степени — политических. Отмечается появление новых теорий, символизирующих ситуацию с религией, в том числе на мировой политической арене: религиозная экономика, постсекуляризм и др.

В статье рассматриваются новые быстро распространяющиеся религии и религиозные движения, а также так называемые ноны — современные атеистические движения, следующие отдельным вероисповедным принципам и ценностям (лишь «семья и работа»). Дается численность современных религий и их классификация, исходя, во-первых, из присущих им свойств, во-вторых, принципов и ценностей, которых они придерживаются.

В целях реализации интересов общества и каждой социальной группы в отдельности поднимаются, в частности, вопросы государственно-конфессиональных отношений, предполагающие в том числе сравнительное решение проблемы коммуникации между церковью и министерствами и ведомствами, представляющие централизованную и децентрализованную модели этих взаимоотношений в политическом поле России.

Ключевые слова: геополитическая ситуация; локальные религиозно-политические процессы; религиозные ценности; права человека верующих; общественно-религиозные движения; государственно-конфессиональный конкордат

Нынешнее состояние общественно-религиозных и религиозно-политических процессов требует определенного пересмотра традиционной политической теории. Сюда вписывается и риторика, и идеология, в том числе религиозная (которая не всегда бывает алармистской, воинственной, но и позитивной), и популизм, которые способны вызвать ценностные и правовые конфликты, ведущие к дестабилизации обстановок. Религиозные организации и объединения в России (прежде всего, РПЦ) действуют, в основном, как институт становящегося гражданского общества, занимающийся обеспечением свободы слова и свободы вероисповедания, свободы совести, прав человека верующих, обуславливающий всемерную сохранность гуманистических, демократических ценностей. Взаимоотношения субъектов политики с ними достойны внимания научного сообщества, особенно в связи с тем, что они проявляют гражданскую, этноконфессиональную и культурную идентичность, являясь полноценными участниками социального, социокультурного, а также политического процесса в России. Более того, они представляют своеобразный общественный ресурс, сохраняющий, главным образом, традиционные ценности и традиции, которые на всем протяжении истории оставались неизменными и на которые опираются идеи и теории современных политологов [1–4]. В соответствии с новыми веяниями выстраиваются теория религиозной экономики, теория постсекуляризма и др. теории, отражающие злободневные практические потребности и ставящие на повестку пути их разрешения. Так, например, подобными вопросами занимался ведущий мировой специалист в области социологии и политологии религии Роберто Чиприани, который скрупулезно исследовал в политической проекции общественно-религиозные процессы, говоря, в частности, о символизации современного религиозного поля.

Религиозные новации включают в себя, в том числе символизацию пространства, внутри которой межличностные связи действуют на основе индивидуализации и субъективизации религиозного выбора, духовного опыта, что способствует также формированию культурно-политического окружения. На сегодняшний день религиозные символы зачастую используются для привлечения на свою сторону новых адептов. Также они могут иметь спекулятивный характер, выступая своеобразным средством манипулирования в политике. Показательно, что происходящие за последние годы волнения среди мигрантов, национальные, а также псевдо- и околорелигиозные движения используют религиозную аргументацию в защиту прав личности, верующих общностей. Это свидетельствует о том, что нынешняя религиозная действительность имеет тенденцию приспосабливаться к современным формам социального и политического участия [3; 5; 6].

В связи с этим особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на *религиозный опыт*, который с гуманистической точки зрения с необходимостью является индивидуально и общественно значимым, в том числе в политическом пространстве. Этот опыт может привести как к приращению соответствующего знания, так и к массовой социальной активности для достижения тех или иных конкретных результатов, учитывая использование инструментов психологического или культового свойства: молитвенная практика, медитация, ритуальные музыка и танцы, иные религиозные психотехники. Обретенное при этом знание исповедуется в качестве Откровения, которое невербализуемо, поскольку довольно трудно поддается словесному выражению, поэтому используются графические символы (например, мандала), звуки, изображения (иконы), музыка, поведенческие акты (например, смех) и т. д. плюс эмоции. Вырабатываемые посредством аккумуляирования религиозного опыта другие материальные и нематериальные культурные ценности — изобразительное искусство, музыка, поэзия,

живопись, скульптура, пластика, театр и др. — продолжают во времени полученный в результате определенных действий религиозный опыт людей. Следует заметить, что основой религиозного искусства является культовое искусство, неразрывно связанное с культовой же практикой. Формирование же и последующая догматизация в мировых и национальных религиях канонических черт различных жанров культового искусства способна привести к их обособлению и появлению секуляризационных тенденций [7; 8], для которых существенным является индивидуализм («личное видение»), антропоцентризм, канон о господстве законов природы, соответствующие оригинальность и новизна. Религиозный опыт, по существу, становится уникальным своеобразным способом осознания и освоения современного меняющегося мира и оформления его в виде определенной отрасли общего знания, зачастую применяемого многочисленными появившимися новыми религиями, имеющими разнообразную природу, вероисповедные принципы и ценности, а отсюда и направленности.

В современную эпоху в мире насчитывается примерно 5 тысяч религий. При этом существуют представленные в реальном мире и в реальном мире не представленные. В научной же религиоведческой мысли дается 750 определений религии. Большинство современных религиоведов придерживается сегодняшней классификации религий: живая религия; мегарелигия; цифровая религия; онлайн-религия и др. Составные их элементы, играющие в политическом поле: представления, эмоции, действия. Этим религиям также свойственна витальность — обладание жизненными силами (жизнеспособность), с целью не только выживания, но и повышения значимости для социальных субъектов и коллективных действий [7–10].

Они стали ориентироваться на:

- Посыл электората в нужную сторону. В данном случае власти и иные политические силы действуют через религиозную элиту.
- Католические, протестантские церкви проводят политическую мобилизацию паствы. В работах исследователей католической и протестантской ориентации [11–13] довольно часто упоминаются права человека, раскрывающие взаимозависимость с человеческой природой, уделяется внимание вопросам секуляризации, характеризуются современные восточные типы государственных устройств в рамках тенденций их дальнейшей демократической направленности.
- Тех, кто проповедует евроскептицизм, являющихся, как правило, сторонниками и проповедниками политики евроинтеграции.
- Использование НТП в пасторских проповедях.
- Применение рутинизированных практик (особенно в рутинизированных же приходах).
- Цифровизация идей по более медленным темпам (сопротивление этому процессу — более 20 лет, не идет ни в какое сравнение с США и Европой).
- Требование предварительной цензуры.
- Использование ислама в качестве политического действия, подразумевая, например, джихад, салафитский призыв, предполагающий манипулирование Кораном.

Кроме того, современные религии подвержены процессам детерриториализации и ретерриториализации — вынуждению покинуть свои исторические локации (например, в результате гонений — как христиан на Ближнем Востоке, УПЦ с территории Украины и т. п.), а также необходимость обрести новые (не всегда на том же самом месте) [2; 7; 14; 15].

Испытывая учащающиеся проблемы на фронте, нападкам подвергается единое для России и Украины историческое Православие. Режим В. Зеленского старается отобрать у церкви и у верующих единственный имеющийся на той территории символ веры — Киево-Печерскую лавру. Русская православная церковь отреагировала и серьезнейшим образом осудила подобное действие: «Демонстративное осквернение религиозных святынь Киево-Печерской Лавры, — отметил ее представитель, председатель Синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ В. Легойда, — своего рода попытка разрушить Церковь и издевательства над верующими. Западные страны обычно поощряют такие акции. Но веру невозможно победить, и история христианства не раз это доказывала. Хочется надеяться, что найдутся ответственные политики, которые не захотят более в этом участвовать...».¹

Заключение

Взаимодействие религиозных и социально-политических постоянно активизирующихся акторов не дает религиозному полю сужаться. В противовес разнообразным религиозным движениям появились своего рода атеистические движения — ноны, приверженцы которых всегда следуют вероисповедным принципам, несмотря на свою кажущуюся видимость. Главные ценности, исповедуемые сторонниками нонов, — семейные и социально-трудовые («семья и работа»).

Церковь, оставаясь социокультурным феноменом, в современных условиях становится и политическим актором, принимая непосредственное участие в социально-политическом процессе. В условиях политических кризисов имеет место субъектность религиозных объединений, проявляющаяся в таких регионах, как, например, Грузия, Молдова, Армения и др. Для того, чтобы стимулировать позитивные изменения в политике, экономике и др. сферах, представляется целесообразной коммуникация с религиозными организациями и объединениями. Она предполагает введение институциональных норм, включающих, главным образом, новации в религиозной жизни регионов, с целью дальнейшего повышения степени свободы совести, недопущения нанесения вреда нравственности граждан и угрозы потери религиозной и иной идентичности, в частности, в результате прозелитической деятельности враждебных организаций. Подобные нормы включают также всемерную поддержку миссионерской деятельности и недопущение покушения на суверенитет.

Так, позитивным примером в данном процессе мог бы служить конкордат с Белорусской Православной Церковью. По словам Президента Беларуси А.Г. Лукашенко, «...люди и государство нуждаются в помощи церкви для решения духовных и социальных проблем; мы выбрали церковь главным идеологом белорусской государственности. Государство и церковь решают одни и те же задачи». В связи с этим в республике Беларусь имеют место институты коммуникации между БПЦ и министерствами и ведомствами, представляющие централизованную модель государственно-конфессиональных отношений, — Республиканский орган государственного управления по делам религии Беларуси, Уполномоченный по делам религий и национальностей. В России же коммуникация с РПЦ осуществляется Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Комиссией по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, Комитетом ГД ФС РФ по развитию, вопросам общественных и религиозных объединений, представляющими всецело децентрализованную модель подобных взаимоотношений в политической жизни страны.

¹ <https://t.me/vladimirlegoyda/8765> 559.6 Kviewsedited Mar 28 at 10:09.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений [Текст]. М.: ИМЭМО РАН, 2012. — 140 с.
2. Василенко И.А. Политическая глобалистика. М., 2000. С. 29–30, 295.
3. Громыко Ал.А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка [Текст] // Современная Европа. 2016. № 6(72). С. 5–12.
4. Кандель П.Е. Европа перед этнополитическими конфликтами нового типа // Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века. Ч. III. Политические аспекты / под ред. Н.П. Шмелева. М.: ИЕ РАН, 2006. С. 10–30.
5. Лункин Р.Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях [Текст] // Современная Европа. 2018. № 1. С. 102–113.
6. Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Моногр. М.: ИЕ РАН, Спб.: Нестор-История, 2020. 504 с.
7. Каргина И.Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма: монография / И.Г. Каргина; МГИМО(У) МИД России, Каф. социологии. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 278 с. — (Научная школа МГИМО). — ISBN 978-5-9228-1091-3.
8. Благоевич М. Десекуляризованное общество как показатель витальности религии // Научный результат. Сер. Социология и управление. Т. 1, № 4(6), 2015. С. 5.
9. Лебедев С.Д., Благоевич М., Шаповалова Л.В. Ревитализация религии: к пониманию правильной современной религиозной ситуации // СОЦИС.2023. № 8. С. 60–75.
10. Religions, Identities, Policies (Points of Convergence and Divergence). / Book of Abstracts. Forum for religious issues of the Institute of Social sciences. Belgrade: Institute of Social sciences, 2020. — 266 p. P. 6–12, 192–209. ISBN 978-86-7093-262-3.
11. Ali, A., Gibbs, M., &Camp, R. (2000). Human resources strategy: the Ten Commandments perspective. Int. Journal of Sociology and Social Policy, 20, 114–132. // https://www.academia.edu/58467506/Human_resource_strategy_the_Ten_Commandments_perspective.
12. Yousef D.A. Organizational commitment as a mediator of the relationship between Islamic work ethic and attitudes toward organizational change // Human Relations. V. 53, № 4. — London, 2000; 513–537. https://www.academia.edu/84759738/Organizational_Commitment_as_a_Mediator_of_the_Relationship_between_Islamic_Work_Ethic_and_Attitudes_toward_Organizational_Change.
13. Blancarte, R.J. Popular religion, catholicism and socioreligious dissent in Latin America: facing the modernity paradigm. International Sociology, v. 15, n. 4.- London, p. 591–603, 2000.
14. Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе [Текст] // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 7–21.
15. Прохоров К. Русский баптизм и православие / К. Прохоров. М.: ББИ, 2017. — 460 с.

Mchedlova Elena Miranovna

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Institute for Socio-Political Research — a separate subdivision
E-mail: HMtchedlova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7041-4741>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=391115

Religion in the political field

Abstract. The article analyzes the religious and political processes taking place in Russia and in the world, in a constantly changing reality. In particular, we are talking about the ability of the current extensive religious picture to adapt to new forms of political participation. Thus, attention is paid to innovations that include, among other things, the symbolization of a space where religious symbols are used either to attract new adherents to their side, or as a kind of means of manipulation in politics. Various secularization trends are mentioned, as well as trends towards deterritorialization and reterritorialization, which are influenced by various circumstances, mostly political ones. The emergence of new theories is noted, symbolizing the situation with religion, including in the global political arena — religious economics, post-secularism, etc.

The article examines new rapidly spreading religions and religious movements, as well as the so-called non-modern ones — modern atheist movements that follow separate religious principles and values (only «family and work»). The number of modern religions and their classification are given, based, firstly, on their inherent properties, and secondly, on the principles and values they adhere to.

In order to realize the interests of society and each social group individually, issues of state-confessional relations are raised, including a comparative solution to the problem of communication between the church and ministries and departments, representing centralized and decentralized models of these relationships in the political field of Russia.

Keywords: geopolitical situation; local religious and political processes; religious values; human rights of believers; socio-religious movements; state-confessional concordat